

Игорь Лукоянов: Революция 1905 г. в трактовке А.В. Островского
Igor Lukoianov (Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences): A.V. Ostrovskii's interpretation of the revolution 1905

DOI: 10.31857/S0869568722040124, EDN: JADEAL

В 2015 г. скоротечная болезнь оборвала жизнь А.В. Островского, написавшего более десятка книг². Среди его бумаг осталось несколько больших неопубликованных текстов. Уже посмертно были изданы две работы³, а в 2020 г. московский Институт системно-стратегического анализа выпустил в свет двухтомник «Россия. Самодержавие. Революция». Основную часть его занимает незаконченная рукопись «Самодержавие или конституция? Россия на пути к манифесту 17 октября», претендующая на новое слово в осмыслении Первой русской революции.

При первом же знакомстве с двухтомником бросается в глаза наличие в нём разновременных, не совпадающих по исследовательским приёмам и подходам пластов. Наиболее ранний из них (начало первого и значительная часть второго тома) уходит в середину 1970-х гг.⁴ В то время Александр Владимирович готовил кандидатскую диссертацию «Третьеиюньский переворот 1907 года», защищённую в 1977 г. Нетипичная для советской историографии тема, сформулированная без использования почти волшебного понятия «кризис», к тому же раскрывавшаяся на богатом архивном материале, а не на ленинских цитатах, превратила защиту в яркое событие, а молодой учёный сразу заслужил репутацию сильного и независимого историка. Третьеиюньский переворот в советской версии завершал революцию 1905–1907 гг. и был многими нитями связан с обстоятельствами предшествующего времени, которые уже тогда привлекли внимание Александра Владимировича.

Судя по собранному материалу, в 1970–1980-е гг. Островский готовил расширенный вариант защищённого текста, надеясь, по-видимому, включить его в книгу или в будущую докторскую диссертацию. Но в этом случае ему бы пришлось выдержать не только сильное сопротивление Е.Д. Черменского, считавшегося одним из крупнейших специалистов по политической истории «империализма» и опубликовавшего в 1970 г. второе издание своей монографии 1939 г.⁵, но и полемику с биографами С.Ю. Витте – Б.В. Ананьичем и Р.Ш. Ганелиным. Избегая осложнений, историк ограничился несколькими интересными публикациями и статьями (в соавторстве с М.М. Сафоновым), в которых критиковалась виттевская версия появления Манифеста 17 октября 1905 г.⁶

² Некоторые из них получили громкую известность. См., в частности: *Островский А.В.* Кто стоял за спиной Сталина? Тайны революционного подполья. М., 2002; *Островский А.В.* Солженицын: прощание с мифом. М., 2006; *Островский А.В.* Кто поставил Горбачёва? М., 2010; *Островский А.В.* Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М., 2011.

³ *Островский А.В.* Российская деревня на историческом перепутье. Конец XIX – начало XX в. М., 2016; *Островский А.В.* Процветала ли Россия накануне Первой мировой войны? СПб., 2016.

⁴ Об этом свидетельствуют, например, встречающиеся советские названия ряда архивов.

⁵ *Черменский Е.Д.* Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970.

⁶ *Островский А.В., Сафонов М.М.* Неизвестный проект Манифеста 17 октября 1905 г. // Советские архивы. 1979. № 2; *Островский А.В., Сафонов М.М.* Манифест 17 октября 1905 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 12. Л., 1981; *Островский А.В., Сафонов М.М.* К истории Манифеста 17 октября 1905 г. // Советские архивы. 1985. № 5; *Островский А.В., Сафонов М.М.*

Насколько же сохранившиеся наброски и черновики отражают авторский замысел и в какой степени он успел оформиться? В дошедшем до читателя виде они напоминают скорее заготовку: вполне завершённые части (в основном, в начале первого тома) перемежаются с ремарками и тезисами, в которых намечен план будущих разделов, а также с обширными фрагментами слабо обработанных фактических данных (конец первого тома и часть второго). Использование этого материала, к сожалению, сильно затрудняется и отсутствием именного указателя. К тому же публикатору далеко не везде удалось заполнить лакуны в сносках и устранить неточности в цитатах (I, с. 228, 233, 559 и др.). Это может создать превратное впечатление об авторе, являвшемся глубоко порядочным человеком, никогда не допускавшим в работах сознательных искажений, дотошным исследователем и высокопрофессиональным источниковедом, великолепно изучившим архивы и умевшим обнаружить в них важные новые данные и максимально обыграть свои находки. Он всегда исходил из приоритета источника, даже если тот не укладывался в близкие ему схемы или оценки.

Обзор историографии также оказался дискретным и к тому же сильно сжатым. Значительную часть современной литературы о Первой русской революции Александр Владимирович не успел учесть и охарактеризовать. В частности, он даже не упомянул коллективную работу сотрудников Института российской истории, изданную к столетию Первой русской революции⁷, практически ничего не сказано им и про англоязычную литературу, включая работы А. Ашера, А. Вернера и др.⁸ Видимо, заняться этим разделом автор рассчитывал в последнюю очередь.

В какой-то мере такой историографический «нигилизм» объяснялся нескрываемыми симпатиями Островского к марксизму (но не в его советской интерпретации, утратившей изначальную строгость и цельность). Доктрина К. Маркса предполагала чёткую схему исторического процесса, в основе её лежал специфически понимаемый экономический фундамент, а именно — кризис капиталистического строя, при котором бедственное положение трудящихся только ухудшалось и порождало революционные процессы. Но показать, как эта схема работала на российском материале, автору удалось плохо. Говоря об экономических итогах царствования Александра III и значении для России иностранного капитала, он почему-то поднял «проблему полуколонии» (I, с. 142–150). Не являясь специалистом по истории финансов и банков, совершенно не зная иностранной литературы, Александр Владимирович без всякой аргументации вернулся к оценкам, характерным для советской историографии 1920-х гг., несостоятельность которых проявилась ещё в дискуссиях рубежа 1950–1960-х гг. При этом ссылки делались на справочники Министерства финансов, на статью об И.Ф. Ционе в Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона и на тенденциозную книгу В.И. Бовыкина⁹. Поэтому

15–17 октября 1905 г. в царской резиденции (из записок А.А. Будберга) // Английская набережная, 4. СПб., 1997. С. 391–412.

⁷ Первая революция в России. Взгляд через столетие. М., 2005.

⁸ *Ascher A. The Revolution of 1905. Russia in Disarray.* Stanford, 1988; *Ascher A. The Revolution of 1905. Authority restored.* Stanford, 1992; *Verner A.M. Crisis of Russian autocracy. Nicholas II and the 1905 revolution.* Princeton, 1990; *The Russian revolution of 1905: contemporary perspective* / Ed. by J.D. Smele, A. Heywood. L., 2005.

⁹ *Бовыкин В.И. Россия накануне великих свершений. К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции.* М., 1988.

и выводы о том, что Россия в 1897–1903 гг. «оказалась перед лицом кредитной блокады» (I, с. 163), трудно воспринимать всерьёз. Озадачивает и утверждение, будто в 1917 г. «полностью подтвердился» прогноз, высказанный якобы Н.Х. Бунге в 1886 г. при характеристике возможных последствий тяжёлого финансового положения России (I, с. 149–150). Не менее сложно увидеть в Русско-Китайском банке и Волжско-Вишерском горном и металлургическом обществе «союз германского, русского и французского капиталов» (I, с. 545). Неубедительна и оценка состояния дел в русской деревне. Сообщая о «небольшом подъёме» сельского хозяйства, при котором чистый сбор зерна на душу в 1861–1870 гг. составлял 19 пудов, а в 1891–1900 гг. — 22,3 пуда (I, с. 147), историк тут же пишет про «вырождение крестьянства». При этом он опирается на впечатления правого публициста С.С. Бехтеева и мнение безвестных «стариков», говоривших, «что при крепостном праве было лучше» (I, с. 148).

В целом, неоригинальная оценка царствования Александра III, игнорирующая современные исследования, должна подвести читателя к мысли о наличии у русской революции глубинных причин, однако вместо этого неожиданно сказано: «Одна из причин, по которым тогда оппозиционное движение захлебнулось, по всей видимости, заключалась в том, что первые годы правления Николая II оказались более благополучными, чем последние годы правления его отца» (I, с. 162).

В результате, формально придерживаясь марксистского понимания логики исторического процесса, Островский, по сути, ищет иные, далёкие от советских схем, причины революции. Так, политическую нестабильность он связывает не столько с протестной активностью масс, сколько с действиями отдельных лиц, преследовавших свои цели и оказывавших существенное, а возможно и решающее влияние на ход событий. Важное место в его построениях отводилось разветвлённым родственным и деловым связям И.И. Петрункевича (I, с. 151–154), П.Б. Струве (I, с. 197–213), Н.Н. Львова (I, с. 264–268), А.А. Лопухина (I, с. 257–259), сотрудников «Русских ведомостей» (I, с. 173) и др. Правда, из их описания совершенно не ясно, как, например, отразилось на ходе Первой русской революции то, что братья И.И. и М.И. Петрункевичи «были связаны родственными узами с семьёй Бакуниных» (I, с. 154) и т.п. При этом не учитывается, что знакомство и родство далеко не всегда определяет политические симпатии и взгляды. Примеры острых разногласий между близкими родственниками хорошо известны (братья В.А. и Н.А. Маклаковы и проч.), не говоря уже о случаях единомыслия ничем более друг с другом не связанных людей.

Тем не менее Островский, вероятно, под влиянием своего научного руководителя В.С. Дякина, обоснованно констатировал: «Когда экономический кризис достиг наибольшей остроты, консолидация революционных и оппозиционных сил приобретала всё большие и большие масштабы» (I, с. 244). В поздней советской историографии подобные наблюдения свидетельствовали о том, что представители русской буржуазии и интеллигенции выступали против самодержавия, а не имитировали борьбу с ним. И Александр Владимирович приложил значительные усилия, доказывая свою излюбленную мысль, согласно которой либералы активно финансировали революцию. Однако результаты его попыток с помощью мемуаров и донесений провокаторов выявить обширные связи революционеров в торгово-промышленной среде разочаровывают. Так, он пишет: «Но если верить А.Е. Серебряковой, “когда начались студенческие беспорядки, давал громадные деньги Савва Тимофеевич Морозов”» (I, с. 252).

Но на что шли эти средства? На студенческие беспорядки? Неужели студентам для этого требовались «громадные деньги»? И, наконец, почему следует безоговорочно верить провокаторам?

Островский явно преувеличивал ценность информации, поступавшей от полицейской агентуры. Ему казалось, что благодаря Серебряковой охранка была в курсе происходившего «в либеральных и революционных кругах Первопрестольной», следила за поступлением из-за границы журнала «Освобождение» и его распространением из Москвы по России (I, с. 272–277). Между тем это издание без проблем рассылалось по почте (для чего часть тиража печаталась на тончайшей бумаге), что не слишком заботило полицию, поскольку его с интересом читали в самых высоких кабинетах. С другой стороны, не стоит забывать, что секретные агенты были склонны преувеличивать свою роль в революционном подполье и исходившую от него угрозу, поскольку от этого прямо зависел размер их жалованья.

В книге можно обнаружить немногочисленные свидетельства (например, А. Войткевича) о том, что для революции «материальные средства текли рекой» (II, с. 93). Как же выглядела эта «река»? Так, известный спонсор большевиков Н.П. Шмит дал М. Горькому 15 тыс. руб. на газету «Новая жизнь» и ещё 20 тыс. – на покупку оружия. А. Аргунов вспоминал, что «весной 1906 г.» эсеры расходовали по тысяче рублей в день, однако недопустимо механически, без каких-либо объяснений, экстраполировать эти затраты на весь год, как сделал Островский, допуская, что «бюджет оппозиционного и революционного движения» в то время «может быть, превышал и миллион» (II, с. 95). Всё же такие финансовые потоки не удалось бы полностью скрыть от полиции. Удивительно, что сведения о них так и не были нигде зафиксированы. Любопытно при этом, что японские деньги, которыми не брезговали эсеры и большевики¹⁰, большого интереса у Александра Владимировича не вызвали, хотя они заметно превышали пожертвования того же Шмита.

Считая, что Первую русскую революцию нужно исследовать с первого дня царствования Николая II (I, с. 134), Островский не смог обосновать своё убеждение во внутренней обречённости политического строя империи. Внимание к различным группировкам, комбинациям и интригам не помогло ему раскрыть содержание правительственного курса. Освещая планы преобразования Канцелярии по принятию прошений на высочайшее имя, автор книги не поясняет, почему оно так и не состоялось. В.К. Плеве изображён им как продолжатель политики Александра III и одновременно – как сторонник реформ, готовый ввести в Государственный совет представителей «общественности» (I, с. 255–257). В сущности, в его действиях Александр Владимирович не усмотрел ничего реформаторского. В целом, всё это не добавляет ничего нового в картину, нарисованную Ананьичем почти 40 лет назад¹¹.

Оригинальность же работе придаёт уверенность автора в том, что важной составляющей русской революции являлись различные заговоры, а также ев-

¹⁰ Изнанка революции. Вооружённое восстание в России на японские средства. СПб., 1906; Akashi Motojirō. Rakka gyusui: Colonel Akashi's Report on His Secret Cooperation with the Russian Revolutionary Parties during the Russo-Japanese War / Eds O. Fält, A. Kujala. Helsinki, 1988; Павлов Д.Б. Русско-японская война 1904–1905 гг.: секретные операции на суше и на море. М., 2004; Инаба Ч. Японский резидент против Российской империи. Полковник Акаси Мотодзиро и его миссия 1904–1905 гг. М., 2013.

¹¹ Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С. 11–154.

рейский вопрос. Рост революционного движения Островский пытался связать с ограничением в правах евреев и с внешним давлением на самодержавие со стороны Ротшильдов и других могущественных еврейских семей. Решающую роль в российском либеральном движении он также отводил евреям (I, с. 331), хотя это резко противоречит фактам. К примеру, в руководство кадетской партии входили всего два еврея (М.М. Винавер и И.В. Гессен), и не они определяли её позицию. Совсем не учитывается и то, что российские евреи состояли в разных политических партиях и отнюдь не являлись той монолитной силой, какой они изображены в книге. Среди них встречались и иудейские ортодоксы, и сторонники набиравшего силу сионистского движения, и радикально настроенная молодёжь, активно включавшаяся в русские революционные кружки и партии. Так или иначе, приоритетное внимание к этнической принадлежности, а не к политическим взглядам, характерное для правой публицистики начала XX в., разительно противоречит выводам современной историографии.

С еврейством в книге Островского тесно связано масонство, изображённое всемогущей мировой организацией. Александр Владимирович непременно отмечал причастность к ней не только политических деятелей начала XX в., но и их близких родственников. Но какое значение для истории революции имело посещение ложи дедом Д.С. Сипягина (I, с. 214)? Ведь масонские связи наследственными не являлись. Да и перетекали ли они во что-то большее, чем принадлежность к числу «вольных каменщиков»? Попытки всегда обнаруживать влияние масонства на важные события скорее путают автора. Почему, в частности, директор Департамента полиции А.А. Лопухин, согласно выкладкам Островского, будто бы вступивший в стовор с Витте и «убивший» Плеве (I, с. 358, 449), вдруг поддержал затем своего нового начальника кн. П.Д. Святополк-Мирского, которого председатель Комитета министров старался «свалить»? Разумеется, Лопухин масон, так как об этом заявил Я.Г. Фрумкин — его коллега «с дореволюционным стажем» (I, с. 358), и его авторитетное свидетельство для автора книги «заслуживает большего доверия», чем, к примеру, обстоятельное исследование А.И. Серкова¹², в котором присоединение Алексея Александровича к ложе отнесено ко времени эмиграции (I, с. 359). Откуда черпал свои сведения Фрумкин и как они соотносятся с тем, что о существовании в те годы в России масонских лож ничего не известно, остаётся только гадать. Но как объяснить масонство столь высокопоставленного чиновника МВД? Неужели он ради тайного сообщества рисковал занимаемой должностью?

При этом еврейский и масонский факторы служат для Островского своего рода мостиками к внешним причинам русской революции, выявление которых основано по преимуществу на различных слухах, используемых не как специфический предмет исследования, а напрямую — для высказывания всевозможных догадок и непроверенных гипотез. Так, со ссылкой на написанные в 1950-х гг. в Чили мемуары офицера лейб-гвардии Казачьего полка Е.И. Балабина автор сообщает дичайший рассказ о том, как президент Франции Ф. Фор передал Николаю II приглашение на бал к Ротшильду (!), на котором хозяин раута не только задавал царю неуместные вопросы о размере русского долга Франции, но и обещал оплатить его, если евреи получают равноправие. Император якобы признал это невозможным, поскольку тогда доверчивый русский

¹² Серков А.И. История русского масонства XX века. Т. 1–3. СПб., 2009.

народ сразу же попадёт в кабалу, а отойдя, сказал приближённым, что подписал себе смертный приговор (I, с. 164). «Насколько эта история соответствует действительности, мы пока не знаем, — комментировал данный апокриф Островский, — но она даёт основание предполагать, что в 1896 г. Николай II получил от Ротшильда предложение уравнивать евреев в правах... Если это было так, то 1896 г. можно рассматривать как важную веху в отношениях между двумя домами: домом Романовых и домом Ротшильдов» (I, с. 164). К сожалению, использование недостоверной информации для далекоидущих выводов неоднократно встречается в книге.

Среди внешних факторов особое место, конечно, занимает Русско-японская война 1904–1905 гг. В советской историографии ей обычно не придавалось большого значения, так как с революцией она увязывалась лишь эпизодически, при перечислении всяких бедствий. Островский же пишет о двух параллельных войнах самодержавия — с японцами и «с организованной либеральной оппозицией и революционным подпольем» (I, с. 332). Однако, воспроизведя с некоторыми неточностями концепцию Б.А. Романова, Александр Владимирович не сумел даже корректно изложить причины схватки на Дальнем Востоке (I, с. 325). Зато, опираясь на сообщения агента Министерства финансов в САСШ М.В. Рутковского, он пришёл к выводу: «Получается, что Японию к войне с Россией подталкивали еврейские банки Великобритании и США. Деталь, имеющая принципиальное значение для понимания последующих событий, но с удивительным упорством не замечаемая исследователями. Между тем, есть основания предполагать, что после кишинёвского погрома еврейский фактор стал играть в обострении русско-японских противоречий роль важнейшего стимулятора конфликта» (I, с. 324). Будто бы «не замечаемая» другими учёными роль еврейских банкиров давно изучена в англоязычной историографии, но это не дало никаких оснований говорить о провоцировании ими войны¹³. Кроме того, мысль о том, что японская внешняя политика направлялась евреями с посторонними для Японии целями, для всех, кто мало-мальски знаком с положением дел в империи микадо, звучит нелепо. Представление же о зарубежье как о скопище врагов России, ищущих подходящего случая, чтобы ей навредить, — явный рецидив советской пропаганды.

Собственно развитие Первой русской революции рассматривалось Островским в духе его представлений о роли заговоров, тайных сил и родственных связей. В отличие от советской историографии, он всё же старался постичь побудительные мотивы действий конкретных людей, а не безликих масс. Но не всегда это получалось сделать убедительно. Так, ничем не подкреплены его сомнения в случайности картечного выстрела 6 января 1905 г. Анализируя обстоятельства «Кровавого воскресенья», автор решительно заявляет: «Департамент полиции и лично А.А. Лопухин имели к подготовке этих событий самое непосредственное отношение». Какое? Оказывается, уже то, что Лопухин «исчез из столицы» 28 декабря (I, с. 526), заставляет подозревать нечто большее и т.д.

В самой революции Александр Владимирович видел противоборство трёх сил, или «лагерей», согласно советской терминологии. При этом о правительственных усилиях он не сообщил ничего нового по сравнению с монографией

¹³ *Cohen N.W., Schiff J.H.* A study in American Jewish leadership. Hanover (NH), 1999; *Jacob H. Schiff, his Life and Letters* / Ed. by C. Adler. Garden City (NY), 1928. Русский перевод: *Аделер С. Джейкоб Генри Шифф. Гений финансового мира и главный спонсор русских революций.* М., 2017.

Ганелина¹⁴. Умолчал он и о союзниках самодержавия — правых, лишь мельком упомянув «Отечественный союз» (II, с. 9). Между тем без дворянства, от которого во многом зависел общий расклад сил, и зарождавшегося черносотенного движения картина революции выглядит смазанной. Позиция «буржуазии» в 1905 г. характеризуется в книге на основании действий её корпоративных организаций, а не политических партий и кружков; либеральная оппозиция отождествляется в основном с интеллигенцией. Пристальное внимание в книге уделено прежде всего социал-демократам, особенно — меньшевикам, что, конечно же, совершенно справедливо и является важным достижением автора. В целом, Островский показал, что у противников режима «слева» имелись тесные связи с другими оппонентами самодержавия (тогда как в советской историографии их упорно разделяли), но, в сущности, это мало что даёт для понимания разворачивавшихся событий.

Центральной личностью Первой русской революции исследователь признал Витте, наделив его даже способностью манипулировать массовым движением (например, на юге России летом 1903 г. (I, с. 314–315)). Именно он — главный заговорщик, действовавший в собственных целях. Если использование им революции для возвращения к власти уже осветили Ананьич и Ганелин¹⁵, то в инспирировании революционеров в научной литературе Витте ещё не обвиняли. Впрочем, Островскому не удалось чем-либо подкрепить свои подозрения, кроме указания на известные и до него тайные контакты председателя Комитета министров со священником Г.А. Гапоном, которому была обещана поддержка (I, с. 526–527). «Виттецентризм» важен для объяснения того, как Николай II пришёл к Манифесту 17 октября. Но для понимания революции в целом недостаточно указать на манёвры сановника, многие из которых давно уже описаны. К тому же Александр Владимирович не вполне точно оценил позицию и возможности Сергея Юльевича. Фактически Витте смог перехватить инициативу подготовки реформ лишь на рубеже 1904–1905 гг. и то ненадолго¹⁶. После задуманного им преобразования Комитета министров в настоящее правительство Николай II уже весной 1905 г. удалил его от этой деятельности. Затем во время поездки в США для заключения мира с Японией Сергей Юльевич провёл несколько месяцев за границей и не мог оказывать решающее воздействие на положение дел в России.

Наиболее удачной и аргументированной частью книги следует признать детальное исследование подготовки Манифеста 17 октября 1905 г. и попыток Витте привлечь на свою сторону либералов (II, с. 188) на фоне нараставшего революционного движения, которым руководили меньшевики (II, с. 196–199). Здесь же можно прочесть про общение Витте с ведущим публицистом «Нового времени» М.О. Меньшиковым (II, с. 131–132), о приезде в столицу вел. кн. Николая Николаевича (II, с. 255–257)¹⁷. К сожалению, именно Манифестом 17 октября автор решил ограничить свой труд. Далее следует лишь

¹⁴ Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991.

¹⁵ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999.

¹⁶ Лукьянов И.В. Во главе правительства: С.Ю. Витте — председатель Комитета министров и премьер-министр // Государственная и финансово-экономическая деятельность С.Ю. Витте. СПб., 2019. С. 13–65.

¹⁷ Подробнее см.: Островский А.В. С.Ю. Витте и М.А. Ушаков: к истории Манифеста 17 октября 1905 года // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. СПб., 1999. С. 364–374.

черновик краткого «заключения», названного «Судьба русской конституции» (II, с. 298–308). Размах текста не оставляет сомнений в том, что Островский собирался создать масштабную и вместе с тем обстоятельную картину событий, приведших к изданию Манифеста 17 октября. Судя по отдельным фрагментам, историк работал над ней с перерывами почти 40 лет, т. е. большую часть своей жизни, так и не успев обработать огромный массив собранных данных, часть из которых прежде не была известна исследователям. Уже поэтому незавершённую рукопись стоило опубликовать. В сущности, Александр Владимирович воспроизводил советскую схему рассказа о революции 1905–1907 гг. и её социально-экономических корнях, но при этом несколько изменил её наполнение за счёт деталей, на которые не принято было обращать внимание, и фактически свёл политическую борьбу к набору реальных и мнимых «заговоров», инспирировавших все происходившие события, от политических убийств и стачек до проектов реформ¹⁸.

На это накладывались представления о заинтересованности внешних сил в насильственном изменении государственного строя России. Однако её чрезмерное ослабление в 1905 г. не являлось целью ни одной из держав, опасавшихся непредсказуемого нарушения европейского равновесия. Даже история французского займа, которой в книге Островского уделено много места, не позволяет выводить политические уступки Николая II из требований иностранных банкиров: финансовое положение самодержавия отнюдь не было катастрофическим. Подробно же изучать связи российского правительства с зарубежными кредиторами, используя лишь русскоязычные источники и литературу, нельзя. Конечно, сложно оценивать незавершённый труд, но в сохранившейся заготовке, к сожалению, отчётливо проявилась склонность А. В. Островского к конспирологическим построениям, характерным для его последних работ. Такой подход не обещал прорыва в изучении Первой русской революции.

¹⁸ Склонность к конспирологии заметна у Островского и при описании других эпизодов. Так, говоря о смерти Александра III, он утверждает, что «есть сведения, будто бы у тела покойного развернулась борьба за престол» (I, с. 137). Однако обстоятельства происходившего в Ливадии осенью 1894 г. достаточно хорошо известны, как и то, что ничего подобного тогда не наблюдалось. Подробнее см.: *Андреев Д.А.* Император Николай II в первые месяцы царствования: внешние влияния и самостоятельные решения // *Российская история.* 2011. № 4; *Андреев Д.А.* Самодержавие на переломе: 1894 год в истории династии и власти. СПб., 2022. С. 32–87.